

Мруз М.*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. ОТ МАЗЕПЫ ДО ЮЩЕНКО

Древняя мудрость *Historia magistra vitae est* обычно отвергается применительно к коллективной мудрости народов и их духовно-политических лидеров. Глеющая на протяжении трёх минувших веков на бескрайних украинских степях и на Запорожье, поначалу робко выражаемая, позже – примеряемая к геополитическим реалиям идея независимой Украины проходила различные фазы в своём развитии, а сама этническая территория украинцев оказывалась под господством нескольких чужих государственных организмов, соперничающих за зоны влияния, но редко стремившихся снискать истинную поддержку зарождающегося на протяжении столетий украинского народа. Поборниками национальных идей и фактическими реализаторами квази-национально-освободительных стремлений на Украине были козацкие гетманы, в руках которых находилась как политическая власть (хоть и не всегда по обе стороны Днепра), так и – что самое важное – ответственность за будущее их народа.

В кругу этих исторических личностей особое место занимает Иван Мазепа – *гетман обоих берегов Днепра*, который стал героем литературного творчества как Джорджа Байрона, Виктора Гюго, так и величайших поэтов славянских народов – Александра Пушкина и Юлиуша Словацкого, а также предметом научных интересов профессиональных исследователей прошлого, и по сей день отображает всю глубину и сложность украинских судеб и дилемм, связанных с политическим и культурно-цивилизационным выбором Украины¹. Трёхсотая годовщина смерти трагичного украинского национального героя склоняет к размышлениям и рефлексии о пути, который прошёл украинский народ под руководством своих политических лидеров, стремящихся, порой, вопреки воле большинства собственных соотечественников, к обеспечению единства украинских земель, суверенитета Украины и её включения на постоянной основе в европейскую политическую систему.

Украинские сепаратистские и квази-национально-освободительные стремления, начало которым было положено на землях Речи Посполитой Обоих Народов в период козацких восстаний XVII века, были не только выражением политических притязаний козацкой старшины; их источник состоял прежде всего в неумении разрешения, а не непонимании значимости украинской проблемы тогдашними политическими элитами, которые не желали признать того, что Речь Посполитая после Люблинской Унии 1569 года окончательно перестала быть государством двух и стала *de facto* государством трёх народов: польского, литовского и украинского. *Notabene* в свете сегодняшнего состояния исторических исследований отлично видно, что национальные, классовые или религиозные вопросы сыграли второстепенную роль в возникновении козацкой ирреденты и восстания

¹ О фигуре гетмана Мазепы в последние годы писали, в частности, С. О. Павленко, Иван Мазепа, Київ 2003; Т.Г. Яковлева, Мазепа, Москва 2007; Д.В. Журавльов, Мазепа: Людина, політик, легенда, Харків 2007.

* профессор Института Международных Исследований Вроцлавского университета

Богдана Хмельницького в 1648 году². Предводитель козацкого бунта был прекрасным организатором и выдающимся полководцем, но баланс его политических выборов и свершений оказался для Украины катастрофическим. Акт отдачи Украины под власть Москвы 1654 г. и начавшаяся вследствие него польско-московская война разделила однородный до того организм и привела к тому, что Украина на целые столетия стала предметом международного спора и объектом польско-российского соперничества. Тем самым местные политические элиты были лишены возможности манёвра, а страна надолго вписана в *несчастную геополитику* и в расклад сил в регионе, чрезвычайно невыгодный для национально-освободительных концепций, а руководящие круги обречены на бесконечную борьбу с дилеммой – промосковская ориентация, или пропольская, она же – *ipso facto*, проевропейская. Не изменил состояния козацкого вопроса и федеративный проект, коим должна была быть Гадячская Уния 1658 г., реализуемый, в частности, под покровительством гетмана Ивана Выговского в несвоевременной форме, с опозданием по меньшей мере на десятилетие, который был, наверное, последним реальным шансом спасения наследия Ягеллонов и единства украинских земель, а также польско-литовско-украинского государства, от медленной маргинализации и окончательной гибели под конец XVIII века³. Впрочем, как и Хмельницкий, Выговский⁴ постоянно менял политические концепции, принимая поочередно московский, польский и, наконец, татарский и турецкий выбор. Трагическая смерть гетмана от рук поляков и козаков в Корсуне в 1664 г. символизирует неразрешимую дилемму запорожцев, вызванную стойкими, как позже оказалось, последствиями переяславского соглашения и трагичным расколом края на две, а после скорого занятия на время Турцией Подолья – на три части.

На рубеже XVII/XVIII в., в период Северной войны, гетман Иван Мазепа, первоначально царский фаворит, а впоследствии – тайный приспешник и союзник шведского короля Карла XII и Станислава Лещинского, объявленный по указанию царя Петра Великого русской православной церковью *на веки проклятым изменником*, предпринял очередную попытку обретения самостоятельности для Украины. Новую военно-политическую ситуацию в Европе, связанную со шведско-российским соперничеством, гетман Мазепа намеревался использовать, естественно, реализуя собственные огромные амбиции освобождения всей Украины из-под российской зависимости и передачи её под шведскую *протекцию*. Размышляя в геополитических категориях, он резонно предполагал, что, после ожидаемой победы армии Карла XII, шведы уйдут, и, тем самым, беспокойный протектор будет менее опасен, нежели могущественный и алчный российский сосед. Поэтому он медлил, пока это было возможно, с переходом на сторону шведов, обещая их королю антицарское выступление только после вторжения в Украину войск Льва Севера; однако надежды на поддержку политики гетмана в Украине совершенно не оправдались. Как писали знатоки вопроса, Мазепа пережил огромное разочарование; в то время, как лишь ничтожная часть козацких войск встала на его сторону, чернь, ранее враждебно настроенная по отношению к царизму, боярам и центральной администрации, массово сохраняла верность российскому государству⁵. Украина выбрала Россию – православную,

² О. Субтельний, Україна. Історія, Київ 1993, с. 162-182. См. также: В.А.Смолий, Богдан Хмельницький, Київ 2003; J. Z. Kaczmarczyk, Bohdan Chmielnicki, wyd. II, Wrocław-Warszawa-Kraków 2007; Л.Гвоздик-Прицак, Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648-1657 pp., Харків 2003.

³ На тему Гадячской унии см. 350-lecie Unii Hadziackiej (1658-2008), red. T. Chynczewska-Hennel, P. Kroll i M. Nagielski, Warszawa 2008, особенно интересно исследование: J. Kaczmarczyk, Dlaczego idea hadziacka skazana była na klęskę, ibidem, s.53-68.

⁴ На тему гетмана Выговского и его концепции компромисса с Речью Посполитой см. Ł. Ossoliński, Rzecz o hetmanie Wyhowskim, Warszawa 2009.

⁵ W. A. Serczyk, Piotr I Wielki, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973, s. 137.

близкую культурно и цивилизационно, пока снисходительно смотрящую на грабительские вылазки запорожцев в Крым и в угасающую как субъект международной политики Речь Посполитую – и отвергла *шведскую неволю*, людей, говорящих на непонятном языке, исповедующих другую веру и в данный момент немилосердно опустошающих *polens volens* украинные земли. Злополучный раскол Украины в очередной раз дал о себе знать, и гетманский прошведский выбор оказался выбором лишь его собственным и горстки его немногочисленных сторонников, к тому же колеблющихся, среди козацкой старшины.

Здесь стоит поставить вопрос о реальных возможностях реализации гетманских притязаний и появлении в Украине зачатков независимой политической мысли в понимании реалий рубежа XVII і XVIII веков. Мазепа, несомненно, был человеком своего времени, достаточно хорошо ориентирующимся в тогдашней международной ситуации в северо-восточной Европе и с восторгом смотрящим на недавние успехи шведского оружия в России, Польше и Саксонии. Вероятно, он рассчитывал также на преданность и энтузиазм соотечественников, который выльется во всеобщие антироссийские выступления и окончательную эмансипацию Украины от России. Но, с другой стороны, он не осознавал значения процессов, происходящих на Днестре и Запорожье, а в особенности – недооценивал силы влияния на украинские массы русской пропаганды и культуры, давления православия, а также ослабления после битвы при Лесной шведской армии. Тем временем *Бог войны* отвернулся от Карла XII, а гетман Мазепа оказался вместе с ним в западне и умер на турецкой территории в Бендерах в 1709 году. Украина, и так бывшая главной ареной шведско-русской войны, дорого заплатила за политический выбор Мазепы, чьи политические планы независимой Украины потерпели крах, а сам он стал отрицательным героем российских литераторов и публицистов, *проклятым врагом* русского православия, изменником *славянского единства* – упомянем лишь эти синонимы мазепинской чёрной легенды. В самой Украине оценки Мазепы были и остаются менее односторонними – трагическая фигура, жертва польско-шведских интриг, человек нерешительный, значительно реже – патриот и политический визионер. Но, пожалуй, и по сей день гетман из Батурина символизирует не проевропейский выбор Украины, а, скорее, её внутренние метания и раздвоенность между восточной и западной традициями, политический выбор между Россией и её западными и северными соседями, следованием в русле основных тенденций европейских перемен и цивилизационно-политической и культурной ассимиляцией с Россией.

Упадок Речи Посполитой в конце XVIII века и включение западных украинских земель вместе с живущими на них украинцами, поляками и представителями других народов в состав российской и габсбургской империй открыли новый раздел украинской трагедии, втиснув Украину между соперничающими европейскими державами. Последствия решений, принятых Богданом Хмельницким и козацкой старшиной в 1654 г. в Переяславе, оказались чрезвычайно стойкими, даже в новой политической ситуации, связанной с исчезновением на более чем сто двадцать лет с карты Европы польского государства. Украинская проблематика на протяжении последующего столетия стала исключительно внутренним вопросом имперских государств, причём габсбургская монархия, предоставляя Галиции автономию, *ipso facto* создала реальные предпосылки для мощной волны украинского национального возрождения, хотя и в Восточной Украине на рубеже XVIII и XIX веков появлялись происходящие из старых козацких элит Левобережья и Слободской Украины общественные и национальные деятели, пытающиеся, отчасти вопреки русификаторскому аппарату российского государства, положить начало процессу преобразования украинского крестьянства в народ. К этому периоду относится первый памят-

ник украинской политической мысли в форме анонимного трактата *История Русов*, обнаруженного в 1828 г., главной идеей которого было восстановление автономии Украины времён включения её в состав российской империи в 1654 году⁶. Трактат, хотя и призывал к исправлению исторических обид, причинённых украинскому народу Россией, но ни на минуту не подвергал сомнению неотъемлемых прав царя на властвование на обоих берегах Днепра. Таким образом, политическую программу автономистов следует оценивать как чрезвычайно умеренную и самоограничительную, но при этом направленную против прогрессирующей ассимиляции украинских элит в среду русской культуры. Подобные взгляды демонстрировали т. наз. *малороссы*, сочетавшие своё украинское происхождение, симпатии к родной природе и культуре с лояльностью по отношению к московскому центру. В частности, Николай Гоголь подчёркивал двойственность своей души, состоящей в равной мере из украинской и русской половины, а также не видел противоречия между двумя патриотизмами – *малорусским* и *великорусским*. Следует помнить, что утверждению такого положения вещей содействовала политика российского государства, привлекательность для широких крестьянских масс русской культуры, лозунги славянского единства, духовная экспансия московской Церкви, а часто – и соображения бытовой природы или обыкновённый конформизм.

Неслучайно слабость украинских национальных элит, выросших из потомков козацкой старшины, пытались преодолеть *новые*, национальные патриоты с крестьянской родословной, которые отвергли лояльность по отношению к России, рисуя в своём поэтическом творчестве идеализированный образ национальной истории, и формулировали программу независимости Украины. Величайший из *Национальной Троицы* Тарас Шевченко, который возлагал главную ответственность за порабощение Украины на московских царей-тиранов и отвергал в своей поэзии малороссийский конформизм украинцев, стал национальным поэтом-прорицателем и, в определённой мере, в отсутствие альтернативных лидеров – политическим визионером. Ввиду практического исчезновения отечественного политического класса, мыслящего об Украине в государственно-политических категориях, мысль о независимости целиком сконцентрировалась в среде людей культуры и писателей. Творчество Шевченко стало важнейшей вехой в развитии украинской идеи – всё последующее украинское движение в большей или меньшей мере обращалось к его литературному и духовному наследию, а он сам станет духовным отцом для последующих поколений⁷.

На территории австрийской Галиции украинская проблематика сосредоточивалась в большей мере вокруг соперничества с поляками, нежели открытого конфликта с Веней. *Русская Троица* во главе с Маркианом Шашкевичем возникла в известной мере при случае возникновения в Галиции польских заговорщических организаций после поражения ноябрьского восстания, и провозглашала идеи славянской федерации. После её ликвидации австрийцами, развитие украинского национального возрождения на несколько лет остановилось на мёртвой точке, и только учреждение 2 мая 1848 г. во Львове Главной Русской Рады означало возникновение первой в Галиции русинско-украинской политической организации, с главной идеей разделения края на две части (провинции) – польскую и русинскую, с отдельной администрацией⁸. Естественно, австрийские власти разыгрывали украинскую карту в своей политике по отношению к польским автономистам, и, когда революционные выступления 1848 г. были подавлены, поддержка Веней

⁶ J. Hrycak, *Historia Ukrainy 1772-1999. Narodziny nowoczesnego narodu*, Lublin 2000, s. 38.

⁷ *Ibidem*, s. 54.

⁸ *Ibidem*, s. 63.

Главной Русской Рады резко ослабла. До самого начала I мировой войны украинская политическая программа в Галиции ограничивалась требованиями раздела края на две провинции и создания из украинских земель австрийского коронного края. Таким образом, на протяжении XIX столетия европейский выбор Украины зарождался в условиях политического раздела украинских земель, причём только галицкие русины почти повсеместно выступали за тесные и стойкие связи с придунайской монархией, а Украина под российским господством прошла долгий и сложный путь, в ходе которого проявлялись как доминирующий пророссийский выбор, так и значительно более слабая позиция сторонников независимости.

Галицийские украинцы под властью Габсбургов закладывали, таким образом, фундаменты современного национального сознания и сформулировали программу независимости и объединения всех украинских земель. Начало I мировой войны украинская общественность Галиции восприняла с надеждой на объединение обеих частей украинского народа, которое могло бы принять форму автономии после победы католической Австрии над царской Россией⁹. Особое значение в жизни греко-католической Церкви и украинского народа в Галиции играл митрополит Андрей Шептицкий, определявший, благодаря своему непререкаемому моральному авторитету, основные направления церковно-религиозной и национальной деятельности украинцев. Ведущей идеей концепции греко-католического иерарха был проект отторжения Надднепрянской Украины от России и придание ей характера национальной территории, независимой от царской империи, которая оказалась бы после поражения российской армии под оккупацией австро-венгерских войск. Он предлагал возвращение к историческим традициям былого козацкого государства, восстановление гетманской власти, облечённой правом издания манифестов и воззваний до поры их замены австрийским гражданским кодексом¹⁰. Консервативно-идеалистические и слишком отягощённые исторически концепции Шептицкого всё-таки были шагом вперёд по сравнению с робкими идеями эмансипации Украины от России, звучавшими на Приднестровье на протяжении всего предыдущего столетия, другой вопрос – шансы их практической реализации на пороге I мировой войны.

Между тем, после февральской революции в России возникли благоприятные условия для поднятия украинского вопроса в Восточной Украине. В марте 1917 г. в Киеве была образована Украинская Центральная Рада, которая, взаимодействуя с Временным правительством в Петрограде, стремилась обеспечить украинцам национально-территориальную автономию. В состав Рады входили ведущие деятели украинского национального движения Михаил Грушевский и глава Генерального Секретариата УЦР Владимир Винниченко. Переход власти в России в руки большевиков вызвал обострение политической ситуации в Надднепрянской Украине, приведшее к конфликту между разными государственными центрами. В ноябре 1917 г. УЦР провозгласила создание Украинской Народной Республики, которая занимала значительную территорию Украины и по-прежнему оставалась частью федеративной Российской Республики. На карте Украины вскоре объявилась новая политическая сила – советская власть. В ситуации наступления большевистских войск в январе 1918 г., украинский парламент в т. наз. IV Универсале провозгласил полную независимость, а месяцем позже УНР подписала в Бресте мирный договор с Центральными государствами, в котором Холмщина и Подляшье признавались

⁹ B. Budurowycz, Sheptyts'kyi and the Ukrainian National Movement after 1914 [w] *Morality and Reality. The Life and Times of Andrei Sheptyts'kyi*, ed. P. R. Magocsi, Edmonton 1989, s. 47.

¹⁰ M. Mróz, *Katolicyzm na pograniczu. Kościół katolicki wobec kwestii ukraińskiej i białoruskiej w Polsce w latach 1918-1925*, Toruń 2003, s. 85-86.

за Украиной¹¹. Восточная Галиция и северо-западная часть Буковины должны были быть выделены в автономный коронный край Австрии. Тем самым, программа галицийских автономистов, казалось, принимает реальные очертания. Политическая ситуация в Надднепрянской Украине вскоре подверглась дальнейшим изменениям. Ценой за помощь армий центральных государств в борьбе с большевиками стал приход к власти на Надднепрянской Украине в апреле 1918 г. гетмана Павла Скоропадского¹². Непрерывность украинской государственности на берегах Днепра практически была нарушена; УНР заменил образованный под эгидой немцев Гетманат. Фигура очередного в истории Украины гетмана, русифицированного украинского аристократа, потомка старого рода козацких гетманов, до сих пор вызывает крайне противоречивые оценки и не меньшие эмоции. Апологеты Скоропадского приписывают ему стремление к полной независимости Украины, ограничиваемое лишь тактическими причинами и политическими реалиями, критики же видят в нём немецкую марионетку, не осознававшую принципиальных противоречий между национально-государственными интересами России и Украины¹³. Скоропадский, как и поддерживающие его русские круги, охотно пользовался лозунгами независимости с целью изоляции Украины от российского революционного брожения и создания здесь плацдарма для крестового похода против большевиков; в свою очередь, немецкое верховное командование устанавливало гетману задачи в рамках концепции *Mitteleuropa*. Истинные планы гетмана лучше всего выражает часто приводимое высказывание Скоропадского: *... конечно, я сторонник независимой Украины. Но эту независимую Украину я, когда придёт время, покладу к ногам Его Величества Императора!*¹⁴. Таким образом, европейский выбор гетмана Скоропадского следует признать чисто иллюзорным и с самого начала подчинённым российским, а не украинским интересам. Низложение в ноябре 1918 г. Скоропадского и создание Директории УНР не означало политической стабилизации и укрепления украинской государственности в Надднепрянской Украине ввиду угрозы для восстановленной республики со стороны большевиков и возможной интервенции Антанты.

Исход I мировой войны и распад австро-венгерской монархии привели к украинско-польскому конфликту в Восточной Галиции, который в значительной степени отразился на взаимоотношениях поляков и украинцев возрождённой Речи Посполитой. Первой выступила с оружием в руках украинская сторона, которая ночью с 31 октября на 1 ноября 1918 г. провозгласила создание Западноукраинской Народной Республики во главе с Евгеном Петрушевичем. Завершение польско-украинской войны и упадок ЗУНР повлекли за собой переезд галицийского правительства в Вену, где украинские политики строили совершенно оторванные от военно-политических реалий Центральной и Восточной Европы планы федерации Восточной Галиции с Чехословакией¹⁵. Вследствие проигранной войны с Польшей, перспектива фактического объединения всех украинских этнических земель не нашла своего осуществления, несмотря на провозглашение в январе 1919 года формального акта соборности и объединения ЗУНР (с 1 I 1919 г. – Западные области Украинской Народной Республики) с УНР. Ухудшающаяся с весны 1919 г. военно-политическая УНР, вынужденной воевать как с польскими войсками в Галиции,

¹¹ J. J. Bruski, Petlurowcy. Centrum Państwowe Ukrainskiej Republiki Ludowej na wychodźstwie, Kraków 2000, s. 40-41.

¹² В последнее время на тему политических концепций Скоропадского писал О. Р. Реєнт, Павло Скоропадський, Київ 2003.

¹³ J. J. Bruski, Petlurowcy, s. 45 i 49.

¹⁴ Цит. по: *ibidem*, s. 50.

¹⁵ B. Budurowycz, Sheptyts'kyi and the Ukrainian, s. 52.

так и с большевиками в Надднепрянской Украине и на Подолье, привела к зарождению на рубеже 1919/1920 г. концепции военно-политического союза с Польшей¹⁶. На тему польско-украинского альянса 21 апреля 1920 г. и фактического признания Речью Посполитой УНР в научной литературе предмета написано столько, что можно точно представить подоплёку и следствия данного события с сегодняшней перспективы¹⁷. Несомненно, над альянсом с момента его заключения довлел неразрешимый гордиев узел спора о Восточной Галиции, и, в меньшей мере – о Волыни, который чрезвычайно ослабил авторитет властей УНР в глазах антипольски настроенных украинских политиков, особенно галицийского происхождения. Хотя, с другой стороны – в военно-политических реалиях того времени, только союз с Польшей давал надежду на укрепление украинской государственности на берегах Днепра и стойкое отделение Украины от России¹⁸. Союзу Пилсудский-Петлюра, заключённому весной 1920 г., который хоть и возник в большей мере – особенно для украинской стороны – по необходимости, нежели в рамках долговременной стратегии достижения независимости – для руководителей Директории не существовало никакой альтернативы, а сам главный атаман Симон Петлюра¹⁹ стал объектом, как сказали бы сейчас, незаслуженной волны резкой критики. Героем в определённых украинских кругах, в особенности эмигрантских, атаман стал только после своей трагической смерти от рук подосланного советским ГРУ агента в мае 1926 г. Союз с Польшей 1920 г. можно со всей уверенностью рассматривать в категориях поиска Украиной, правда, в усеченной территориальной форме, европейского пути и решительной демонстрации стремления расторгнуть все национально-государственные узы с Россией. Симон Петлюра оказался в ряду исторических фигур, которые, опираясь поочередно на Речь Посполитую Обоих Народов, Швецию, Центральные государства периода I мировой войны и зарождающуюся польскую Вторую республику, часто наперекор значительной части собственного народа, пытались оторвать Украину от России и решительно подтолкнуть её в политическом и цивилизационном смысле на Запад.

Окончание польско-большевистской войны и фактическое оставление на произвол судьбы Польшей в 1921 г. в Риге своего украинского союзника казалось украинским политикам, особенно галицийским, худшим из возможных сценариев для национального вопроса. Государственный центр УНР в эмиграции до середины 20-х годов XX века предпринимал отчаянные усилия, направленные на преодоление отсутствия какого-либо международного интереса к вопросу государственных устремлений украинцев²⁰. В советской Украине в это время предпринимались эксперименты, связанные с украинизацией, сменившиеся в тридцатых годах XX века Большим Террором; в то же время бывшая Восточная Галиция совершила решительный поворот вправо. Прежние позиции, которые имело среди украинской общественности Галиции созданное во Львове в июле 1925 г. Украинское Национально-Демократическое Объединение центристской политической

¹⁶ J. J. Bruski, Petlurowcy, s. 99-164.

¹⁷ См. Polska i Ukraina. Sojusz 1920 r. i jego następstwa, red. Z. Karpus, W. Rezmer i E. Wiszka, Toruń 1997, a szczególnie M. Klimecki, Wojna czy pokój. Polsko-ukraińskie negocjacje 1918-1921 [w] ibidem, s. 43-79. Сравн. также: W. Serhijenko, Sojusz Piłsudski-Petlura w świetle ukraińskich i rosyjskich dokumentów archiwalnych [w:] Sympozjum w Uniwersytecie Warszawskim 23-25 październik 1995, Warszawa 1996, s. 55.

¹⁸ См. на эту тему: J. Pisuliński, Nie tylko Petlura. Kwestia ukraińska w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918-1923, Wrocław 2004, s. 210-227.

¹⁹ На тему главного атамана Петлюры см. В.Сергійчук, Симон Петлюра, Київ 2004; С. Литвин, Суд Історії: Симон Петлюра і петлюряна, Київ 2001.

²⁰ P. P. Żurawski vel Grajewski, Sprawa ukraińska na konferencji pokojowej w Paryżu w roku 1919, Warszawa 1995.

ориентации, со временем заняли националисты и коммунисты. Особое и всё возрастающее влияние имели опирающиеся на идеологию Дмитрия Донцова националисты из возникшей на рубеже января и февраля 1929 г. Организации Украинских Националистов (ОУН). Донцов и его сторонники противопоставляли рационализму предшествующих поколений иррационализм и волюнтаризм, пацифизму – империализм, либерализму – выдвижение на первый план интересов собственного народа, демократии – принцип инициативы меньшинства и творческого принуждения. Символом этого идеологического течения и политического террора стал занявший в июне 1933 г. пост главы Краевой Рады ОУН Степан Бандера, усматривавший главных врагов Украины как в Польше, так и в СССР, а союзников в деле национального освобождения – среди врагов своего врага: Литве, Чехословакии и, конечно же, в Германии²¹. Политики из кругов ОУН осуществляли широкое сотрудничество с гитлеровской Германией, рассчитывая на создание украинского государства под эгидой и протекцией Гитлера; подобные надежды имела и украинская эмиграция в Германии, в частности, гетман Скоропадский и бывший президент ЗУНР Петрушевич. С началом в июне 1941 года немецко-советской войны, немцы окончательно развеяли какие бы то ни было надежды украинцев на собственное государство, а Бандера был заключён в концлагерь. В очередной раз политическая программа, в данном случае – галицийских украинцев – закончилась полным поражением, а украинские земли стали ареной ожесточённой, разрушительной борьбы, страшных немецких репрессий, массового голода и страданий миллионов украинцев. Наследием националистической лихорадки, вызванной лозунгами Донцова, стало массовое уничтожение руками УПА польского населения на Волыни и в юго-восточных воеводствах польской II Республики, а также акции возмездия польского национально-освободительного подполья. Пронемецкая и в то же время антипольская и антисоветская ориентация украинских националистов оказалась тупиком, в который украинцев завёл узко и вульгарно понятый патриотизм в сочетании с совершенно утопическими политическими концепциями. Теория двух врагов принесла невосполнимые человеческие, политические и имиджевые потери, фиксируя в сознании, не только соседей Украины, образ украинца как слепого националиста, бандеровца и виновника геноцида.

Политические преобразования после II мировой войны принесли с собой воссоединение украинских земель, доселе разделённых между четырьмя государствами, и, *ipso facto*, полное затухание на территории СССР всякой самостоятельной политической активности, поэтому задача формирования современной украинской демократической мысли стала уделом нескольких центров украинской диаспоры в Соединённых Штатах, Канаде и Западной Европе. В числе наиболее выдающихся представителей проевропейской идеи, польско-украинского примирения и добрососедских отношений между народами Центральной и Восточной Европы – профессор Богдан Осадчук, связанный с 1952 г. с кругами издаваемой Ежи Гедройцем парижской «Культуры». Осадчук, писавший под псевдонимом Берлинец, публиковал на страницах издания Гедройца фельетоны и статьи, посвящённые польско-украинской, польско-советской и немецкой проблематике, в которых зарекомендовал себя решительным и последовательным сторонником примирения поляков и украинцев и строительства отношений Польши с её восточными соседями – Украиной, Белоруссией и Литвой²² – на крепких фундаментах добрососедства. На страницах парижской «Культуры» в мае 1977 г. была опубликована декларация по украинс-

²¹ J. Hrycak, *op. cit.*, s. 198-203.

²² Переписка Богдана Осадчука и Ежи Гедройца опубликована в томе VIII Архива Культуры, см. Jerzy Giedroyc. *Emigracja ukraińska. Listy 1950-1982*, red. B. Berdychowska, Warszawa 2004, s. 57-373.

кому вопросу, поднимающая *expressis verbis* проблему независимости Украины, которую подписали известные российские интеллектуалы и диссиденты – Андрей Амарлик, Владимир Буковский, Наталья Горбаневская, Владимир Максимов (главный редактор «Континента»), а также Виктор Некрасов. Таким образом, для Осадчука *modus vivendi* в сложных и отягощённых историческим наследием польско-украинских вопросах имел второстепенное значение в сравнении с убеждением россиян отказаться от имперской ментальности и безоговорочно признать украинское стремление к независимости. Из продвигаемых профессором Осадчуком со времени установления сотрудничества с кругами парижской «Культуры» в начале 50-х годов XX века планов польско-украинского примирения и сотрудничества, с упадком коммунизма в Центральной и Восточной Европе и реституцией украинской независимости в 1991 году выросла концепция возвращения к возникшей в иных военно-политических реалиях пилсудчиковской идее Межморья²³. Анахроничная в историческом и практическом аспекте, не реализованная ввиду неразрешимого узла национальных противоречий и антагонизмов и противоположных территориальных притязаний центрально европейских государств постверсальского периода, концепция *Межморья* вернулась в публицистике Осадчука в видоизменённой и скроённой для современности форме. Центральное место в новой версии *Межморья* должны были занять два крупнейших в территориальном, демографическом и экономическом отношении государства: интегрированная в евроатлантические структуры Польша и ищущая собственные пути независимая Украина. Адаптированная к современным условиям старая идея Межморья не содержала внутренне последовательной и интеллектуально новаторской концепции, не была она и примером классической политической мысли в понимании политологических определений, однако её привлекательность следовала из геополитических и, в определённой степени, военно-политических реалий Центральной и Восточной Европы после распада Советского Союза и формирования новой политической карты, столь важной для международной безопасности и стабилизации Старого континента²⁴.

Процесс глубоких общественно-политических перемен в Советском Союзе, начатый горбачёвской *перестройкой*, предвещавшей упадок *ancien regime*, сделал возможным как возвращение на карту Европы государств, которые утратили независимость вследствие военно-политических решений, принятых после II мировой войны, так и создание новых государств народами, лишёнными ранее собственной государственности. В 1989-1991 годах по Центральной и Восточной Европе прокатилась мощная волна демократизации, круша остатки тоталитарной системы и создавая условия для укрепления восстановленной независимости и суверенитета, основания всех сторон общественной и политической жизни на принципах плюрализма и демократии, свободы и прав человека. Постепенная эмансипация Украины из-под контроля Москвы, завершившаяся провозглашением 24 августа 1991 г. Верховной Радой *Акта провозглашения независимости Украины*²⁵ внесла в повестку дня проблемы, связанные с выходом украинского государства на международную арену. С момента реституции независимости был инициирован процесс восста-

²³ Вступительное выступление проф. Б. Осадчука, Историческое значение фигуры Ежи Гедройца в польско-украинских отношениях 21 X 2005 г. по случаю начала нового учебного года в ЕКПиУУ в Люблине (рукопись в распоряжении автора), с. 1-19.

²⁴ Подробно на эту тему: M. Mróz, Strategiczne partnerstwo polsko-ukraińskie w wizji politycznej Bohdana Osadczyka [w] Ze studiów polsko-ukraińskich, red. M. S. Wolański i Ł. Leszczenko, Wrocław 2008, s. 91-101.

²⁵ W. Baluk, Kształtowanie systemu partyjnego Ukrainy w okresie transformacji ustrojowej (1987-2004), Wrocław 2006, s. 83- 91. Por. także: W. Baluk i A. Czajowski, Ustroje polityczne krajów Wspólnoty Niepodległych Państw, Wrocław 2007, s. 111-144.

новления или установления дипломатических отношений с государствами и международными организациями, направленный на обеспечение Украине полноправного участия в международной системе. Действия, предпринимаемые в этом направлении украинским правительством, сосредоточивались главным образом на укреплении, в международно-правовом значении, независимости государства и преодолении начальной международной изоляции Украины, вызванной непоследовательностью Киева в выполнении обещаний по поводу ядерного разоружения. 1 декабря 1991 г. состоялся референдум по вопросу независимости Украины и президентские выборы. Первым президентом независимого украинского государства стал Леонид Кравчук. Окончательное падение СССР имело место неделей позже, 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще во время встречи президентов России, Белоруссии и Украины, на котором было принято решение о ликвидации СССР и создании Содружества Независимых Государств. Соответствующий договор был подписан в Минске, а его принципы были подтверждены в Алма-Ате 21 декабря²⁶.

Укреплению украинской государственности не способствовала сложная политическая и экономическая ситуация в большинстве постсоветских государств, особенно заметная в находящейся в международной изоляции на фоне вопроса по ядерному арсеналу Украине; картину дополняли общественные, национальные и религиозные конфликты. В этот период адвокатом европейского выбора Украины стала Польша, восточная политика которой, проводимая в 1993-1996 годах, в значительной степени утратила былую динамику, столь характерную для второй фазы правления Солидарности, и только с инаугурацией президентства Александра Квасневского начали осуществляться интенсивные меры главы государства по приданию новых импульсов контактам с восточными соседями Польши, особенно с Украиной, и укреплению двухстороннего сотрудничества на международной арене. Александр Квасневский, неожиданно для своего старого политического окружения, в своих действиях на восточном направлении политики шёл дальше, нежели большинство тогдашних политических элит страны, ярким проявлением чего стало подписание в Киеве в 1997 году польско-украинской Декларации о согласии и примирении, воспринятой в большинстве европейских столиц как фактический, осязаемый результат стратегического партнёрства этих государств²⁷. Своеобразным парадоксом казался факт, что посткоммунист Квасневский, в период своих двух президентских каденций, стал главным аниматором и, в известной степени, также реализатором неопилсудчиковских политических концепций парижской «Культуры», опережая в этом отношении значительную часть видных деятелей старой демократической оппозиции. Президентский центр, последовательно реализуя евроатлантический сценарий, в то же время стремился к тому, чтобы восточная граница Польши не стала границей, отделяющей пространство безопасности, защищённое «зонтом» НАТО, от оставшихся вне его европейских соседей – Украины, Белоруссии и Литвы. Старые обиды и, порой, негативный исторический опыт в контактах с центральноевропейскими народами должны были смениться усилиями, направленными на строительство Польшей совместно с партнёрами с востока стабильной и безопасной Европы. Особое значение польская восточная политика периода президентства Квасневского придавала Украине, признанной стратегическим партнёром Варшавы в центрально-европейском регионе и существенным фактором обеспечения независимости и суверенитета Польши. На польскую деятельность по интеграции Украины в евроатлантические структуры тенью легло как возвращение Москвы под управлением Путина к великодержавной риторике, так и дальнейшее ужесточение

²⁶ A. Chojnowski, J. J. Bruski, *Ukraina*, Warszawa 2006, s. 325.

²⁷ K. Fedorowicz, *Ukraina w polskiej polityce wschodniej w latach 1989-1999*, Poznań 2004, s. 184-187

позицій Брюсселя относительно будущего членства Украины в Европейском Союзе, быстрое исчезновение украинской проблематики из европейской повестки дня и, наконец, давление ведущих государств ЕС на Польшу, чтобы та закрепились на своей восточной границе и перестала исполнять роль адвоката Киева в его европейских и евроатлантических устремлениях. С другой стороны, президентская команда Леонида Кучмы, вопреки предложениям из Варшавы, выступала за политику многовекторности, которая, если говорить коротко, имела целью недопущение интеграции ни с Западом, ни с Востоком. Правда, концепция это постепенно теряла значение, исчезала из риторики Киева и политической практики, но неизменно находила поддержку у большинства украинского населения.

Хотя завершающий период правления премьера Януковича характеризовался заметно большей, чем при президенте Кучме, интенсивностью действий Киева по установлению более тесного сотрудничества с государствами Европейского Союза, инспирированных после оранжевой революции президентом Ющенко, Польша по-прежнему была постоянно готова выступать в роли поборника Украины в Брюсселе.

Дальнейшее углубление польско-украинского сотрудничества пришлось на период, когда во главе польского МИДа встал министр Бронислав Геремек, а российская политика, в период президентства Бориса Ельцина, отличалась пассивностью и отсутствием чёткой политической концепции в отношении Центральной Европы²⁸. Также и со стороны Брюсселя в это время не наблюдалось давления по дипломатическим каналам на Варшаву, которое могло бы парализовать инициативы польской стороны. Только принятие весной 2004 г. Европейским Союзом новой стратегии соседства, которая ставила Украину на один уровень с Республикой Беларусь и странами Северной Африки, а в особенности – опубликование в мае «Европейской Стратегии Соседства», согласно которой Киев не мог рассчитывать в обозримой перспективе на обретение членства в ЕС, окончательно затормозило и без того слабо выраженные в украинских политических кругах проевросоюзовские тенденции²⁹. Слабым утешением для украинских евроэнтузиастов оставался лишь тот факт, что Польша, поддерживаемая только Литовской Республикой, подвергла решительной критике «Европейскую Стратегию Соседства» и добивалась включения в неё принципов, выделяющих Украину из группы прочих государств, на которые распространяется новая политика расширенного Евросоюза³⁰.

Нестабильная политическая ситуация в Украине и слабая поддержка украинским обществом европейских стремлений Киева в значительной степени проистекают из близорукой политики государств «старого Евросоюза», которые изменили идеалам и обещаниям Запада времён холодной войны относительно открытия границ и свободного передвижения людей, товаров и услуг. Варшава и другие центрально-европейские столицы с обеспокоенностью наблюдали за тем, как действия Европейского Союза и, в более широком аспекте – демократически и идеалистически настроенного Запада толкали Украину в объятия Москвы и, тем самым, причиняли невозместимый ущерб будущей архитектуре безопасности, становясь *nolens volens* могильщиками неповторимой возможности предотвращения возрождения российской империи. В польской и украинской прессе по-

²⁸ См. rozmowa Bohdana Osadczyka z prezydentem Aleksandrem Kwaśniewskim [w:] «Kultura», Paryż 1997, Nr 1/592-2/593, s. 105-113.

²⁹ Wywiad Marcina Wojciechowskiego z Borysem Tarasiukiem, byłym wielokrotnym szefem ukraińskiego MSZ oraz Mykołą Riabczukiem, pisarzem i publicystą [w] «Gazeta Wyborcza», Nr 279.6192, 28-29 listopada 2009, s. 18-19. Por. T. Kapuśniak, Ukraina jako obszar wpływów międzynarodowych po zimnej wojnie, Warszawa-Lublin 2008, s. 208-211.

³⁰ P. Turczyński, Polityka Unii Europejskiej wobec Ukrainy, «Sprawy Międzynarodowe», Nr 2, 2005, s. 77-79.

явились даже голоса о реальной опасности обретения Российской Федерацией в недалёком будущем стратегического превосходства в Европе и необратимом изменении расклада сил на континенте. С особым беспокойством отмечали в Киеве сближение Москвы с Парижем и Берлином над головой и вопреки интересам Украины³¹, как и вопреки интересам самих Франции и Германии.

Оранжевая революция 2004 г., вследствие которой к власти пришёл ориентированный на евроатлантическую интеграцию Украины президент Виктор Ющенко, не только создала неповторимый шанс на укрепление стратегического сотрудничества Варшавы с Киевом, но и могла в будущем оказаться среди важнейших факторов формирования новой международной ситуации в Центральной и Восточной Европе, в которой нашлось бы место и для видоизменённой концепции нового *Межморья*. Решительная поддержка польских правительственных структур, легендарного лидера «Солидарности», наконец, организованные по всей Польше митинги солидарности с лагерем Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко в дни *оранжевой революции*, казалось, создавали новую платформу взаимопонимания между народами и, вместе с зарождением гражданского общества в Украине, а по крайней мере – в Киеве, начали пробуждать чувство общности судеб и стратегических целей, состоящих в расширении сферы безопасности, демократии и рыночной экономики³². Оба государства оказались перед шансом такого закрепления, при помощи договоров и соглашений, двухстороннего сотрудничества, что демонтаж польско-украинского стратегического партнёрства стал бы чрезвычайно трудноосуществимым, даже в случае интенсификации Российской Федерацией в период президентства Владимира Путина политики, направленной на внесение раздора в польско-украинские отношения путём экономического, особенно газового, и военного шантажа. *Оранжевая революция* в Украине была, несомненно, пиковым моментом проевропейских и евроатлантических устремлений украинцев после 1991 г., но её плоды уже вскоре были загублены вследствие конфликта в лагере оранжевых и возвращения во власть премьера Виктора Януковича³³.

Проевропейские и евроатлантические устремления части украинских политических элит из *лагеря оранжевых* сталкивались и продолжают сталкиваться сейчас, с широкой поддержкой украинцами политики *многовекторности* и заметным дрейфом общественных настроений на восток, в сторону интеграции с Российской Федерацией и Республикой Беларусь, что однозначно демонстрируют проведённые в 2001-2005 гг. исследования³⁴. Характерный для существующих настроений относительно высокий процент сторонников одновременной интеграции с европейскими структурами и с Россией свидетельствует о дезориентации украинского общества и о полном отсутствии понимания процессов, происходящих в настоящее время в Европе. Взгляды украинского общества на тему внешнеполитических ориентаций не претерпели изменений даже после *оранжевой революции*, что *expressis verbis* означает, что вопрос европейского выбора Украины не имел первоочередного значения ни накануне, ни во время украинской бескров-

³¹ B. Osadcuk, Niepodległa Ukraina. Wybór szkiców, artykułów i rozmów (1991-2006), Sejny 2006 s. 317-318. Zob. także: J. Konieczna, Wirtualność «europejskiego wyboru» Ukrainy [w] Polska. Ukraina. Osadcuk, red. B. Berdychowska i O. Hnatiuk, Lublin 2007, s. 309-321.

³² Odezwa Ukraińców do narodu polskiego, Kijów 7 XII 2004 r. [w] S. Stępień, Pomarańczowa rewolucja. Kalendarium i dokumenty wyborów prezydenckich na Ukrainie w 2004 r., Przemyśl 2006, s. 224-227.

³³ Rozmowa Mariusza Zawadzkiego z prof. Myroslawem Popowyczem, dyrektorem Instytutu Filozofii Ukraińskiej Ukraińskiej Akademii Nauk o przyczynach wybuchu i niepowodzeniach pomarańczowej rewolucji [w] «Gazeta Wyborcza», Nr 278.6191, 27 listopada 2009, s. 16-17.

³⁴ J. Konieczna, op. cit. s. 312. Шире на тему исследований, проведённых в 2001 г., см. ibidem, Polska – Ukraina. Wzajemny wizerunek, Warszawa 2001.

ной революції. Таким образом, перспективи євроінтеграції України скоріє сумрачні, причём в обоих главных аспектах: політичні еліти перебувають в неперериваючому конфлікті, і, якщо затрагивают вопрос інтеграції з Заходом, то, скоріє, виключительно из тактичних соображений, зв'язаних з поточною політичною боротьбою і приближаючимися президентськими виборами, а широкі кола громадськості, в свою чергу, розглядають її скоріє в цивілізаційних категоріях, а не в сфері реальної політики. Вероятно, це зв'язано з продовжуваною неформованістю в Україні громадянського суспільства, його невірою в дійсність впливу на рішення, приймаємі українськими політиками, і, нарешті, політикою самого Європейського Союзу, навіть після прийняття програми «Всхідне Партнерство» сприймаємі в Україні як не даючої в обозримому майбутньому реальних шансів на інтеграцію в європейські структури. В даному контексті декларативний європейський вибір України в період президентства Віктора Ющенка і уряду Юлії Тимошенко виглядає робкою, непослідовною і реалізуємою *ad hoc* політикою, не маючою ні солідної основи в українській політичній думці, ні організаційно-інституційним забезпеченням, необхідним для досягнення широкого громадського консенсусу в питанні інтеграції в Європейський Союз і НАТО. По цим же причинам випадок звернення нинішнього українського президента до традицій українського козацтва³⁵ слід визнати свого роду ухмылкой історії і нічого не значущим сегментом політичного фольклору.

---

³⁵ В. Задунайський. Бойове мистецтво та військова спадщина українських козаків в кінці ХІХ – на початку ХХІ ст., Донецьк, 2006.